

Билла (**Александр Волков**), в семье которых поселился Барклей, начальника Джорджа Хеннинга (**Михаил Фоменко**), осуждающего Джорджа за недостаточное внимание к матери и внезапно осознавшего, что сын привязан к нему только из-за денег, практически, лишенная реплик, но четко выражающая свои чувства Мэми, прислуга Джорджа и Анигты (**Татьяна Скиба**)...

Может быть, излишне перегруженной воспринимается сценография (художник **Александр Глазунов**), зато музыка **Григория Гоберника** (как, впрочем, и всегда) вызывает очень тонкие и точные ассоциации. А прощальная сцена Куперов происходит не на фоне, а с пря-

мым, непосредственным участием известной, кажется, несколькими поколениям песни **Фрэнка Синатры** «My way». И она продолжится в тот момент, когда движущийся на экране поезд увезет навсегда Барклея в Калифорнию, а Люси останется на перроне, и медленно пойдет круг. На этот круг будут постепенно выходить все исполнители, технические участники спектакля, а круг будет плыть и плыть по навсегда утверждённому своему пути. А нам останется то, что наступает после тишины.

Для каждого — свое...

*Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ
Фото Николая АНТИПОВА*

ОТЗВУК ПРОШЛОГО

В Театре им. Вл. Маяковского состоялась последняя премьера этого сезона — пьеса **Людмилы Петрушевской** «Московский хор» в постановке **Никиты Кобелева**. Историю большой семьи, заново строящей свою жизнь в трудное послевоенное время, режиссер превратил в оду памяти безвременно погибшим — не пришедшим с войны, сгинувшим в сталинских лагерях, умершим от болезней — всем тем, кого мы помним и кого с нами уже нет.

Пьеса Людмилы Петрушевской, написанная в 80-е годы, особенно остро прозвучала в знаменитом спектакле **Льва Додина**, поставленном им в начале 2000-х совместно с молодым режиссером **Игорем Коняевым** в Малом драматическом театре Санкт-Петербурга. Персонажи, зажатые в тисках маленькой коммунальной квартиры, снующие по ней как муравьи в муравейнике, изо всех сил пытались из нее вырваться. Перемекаясь по многоарусной конструкции, состоящей из шкафов, батарей, кроватей, домашней утвари, они как будто надеялись в один прекрасный

миг забраться на самый верх и улететь из этой душной квартиры, но постоянно «падали» вниз. В жизни их был только хор. Именно хор стал для них спасением. Вместе с соседями они ходили на репетиции самодеятельного коллектива в надежде выступить на Фестивале молодежи и студентов 1957 года. Так с помощью музыки герои прятались от гнетущей действительности, именно музыка возвышала их над всем этим проклятым, мещанским бытом, уводила от неурядиц, проблем и ссор.

Никита Кобелев, так же как и Додин, оставил пьесу Петрушевской практически неизменной: все сюжетные линии сохранены, все персонажи на месте. Но если у Додина хор был смыслообразующим элементом, то у Кобелева он существует где-то на периферии. Герои так же готовятся выступить на фестивале, репетируют песню «Летите голуби, летите, для вас нигде преграды нет...» на музыку И. Дунаевского, но в действительности эти занятия волнуют разве что молодое поколение, да и руководителя Станислава Геннадьевича (**Юрий Соколов**). Он бранится, недо-

Лица – Е. Симонова

лен опоздавшими, сетует на дефицит теноров и просто нервничает по поводу и без. Персонажи же озабочены своими проблемами, своими домашними делами. Музыка их не объединяет, не возвышает, не трогает за душу. Да и в пространстве коммуналки они существуют разобщенно, отдельно друг от друга – каждый в своем углу.

Художник-постановщик **Моника Портале** «переставила местами» сцену и зрительный зал – так что зрители сидят на сцене, а актеры играют в партере. Прием далеко не новый, но в данном случае оказавшийся не только уместным, но и удивительно эффективным. Когда открывается занавес, зрителю предстает практически пустой, роскошный красно-бархатный зал Театра Маяковского. Между кресел втиснуты стол и большой диван, служащий од-

новременно шкафом (из его недр достают старое ненужное тряпье), стоит угрюмая вешалка и большой цветок в горшке – скучные, но точные приметы времени. Этот зал, с одной стороны, кажется слишком огромным для одной коммунальной квартиры, с другой, наоборот, слишком тесным и неудобным, чтобы здесь можно было нормально существовать. Обитателям приходится протискиваться между узкими проходами, ходить от кресла к креслу – им явно не хватает пространства, воздуха, места. Они кажутся такими маленькими и такими убогими в их невзрачных одеждах на фоне помпезности и холодного величия окружающего бархата. Приходит на ум сравнение: маленький человек и большая страна, бесконечно далекая от проблем этого маленького человека.

Эра – З. Кайдановская, Лика – Е. Симонова

Люба – Ю. Силаева, Лика – Е. Симонова, Нета – Т. Орлова

Саша – М. Евланов, Галя – Ю. Соломатина

В такой атмосфере и происходят столкновения и ссоры некогда большого и дружного семейства. Только Лика, великолепно сыгранная **Евгенией Симоновой**, силится собрать домашний хор воедино, всех со всеми помирить. Подслеповатая, уже не молодая женщина, много повидавшая на своем веку, похоронившая любимого мужа, она единственная тут не очерствела душой. Самоотверженно готова служить интересам семьи. Но при этом Лика вовсе не податливая и мягкая, она умеет командовать и диктовать свои условия. И проведи ее не так-то просто — она всех и каждого видит насквозь. Вранье своего сына Саша (**Михаил Евланов**), уволенного с флота и завешшего вторую семью в другом городе, страдания невестки Эры (**Зоя Кайдановская**), которая остается одна с тремя детьми. Метания 17-летней племянницы Оли (**Нина Щеглова**), скрывающей от матери и отца нежелательную беременность. Скупость одних, хитрости других, тщательно

скрываемые тайны и подковерные мысли — третьих: персонажей в пьесе много, и каждому отведена своя история. Лика всем прощает их недостатки, а в своем стремлении собрать семью под одной крышей доходит порой даже до абсурда.

Противостоят ей в этом ее сестра Нета (очень убедительная роль **Татьяны Орловой**) и во всем потакающая матушке дочь Люба (**Юлия Силаева**). Несмотря на то, что они недавно вернулись из ссылки и больше других пострадали от сталинского режима, они истово защищают идеалы коммунизма и строчат доносы на членов семьи, критикуя их моральный облик. Таков страшный перекося в сознании людей той эпохи: они бичуют близких и оправдывают своих палачей, сами становясь палачами.

И хотя в воздухе того времени уже чувствуется легкое дыхание оттепели, близится Всемирный фестиваль молодежи и студентов, девушки не боятся поймать брошенный иностранцем из троллейбуса импор-

Руководитель хора Станислав Геннадьевич – Ю. Соколов

тный шейный платок и гордо идут встречать на вокзал делегацию из Дрездена, 1956–1957 гг. — время, когда дух войны еще не окончательно выветрился из домов. Люди не забыли голод, холод и смерть. У них и сейчас одна кровать на десятерых, один муж на две семьи, одно штопаное платье на все случаи жизни.

Но главное, что объединяет эти разобщенные души — память. Память о тех, кого они потеряли. Ряды кресел партера и ярусов по ходу действия «наполняются» портретами их умерших родственников, о которых они рассказывают. Причем среди них есть близкие и родные самих артистов. Только так получается «сшить» порванную нить времен, а мертвые в этом спектакле существуют наравне с живыми. В какой-то момент в зале гаснет свет, а портреты, наоборот, как будто подсвечивают изнутри. Дыхание перехватывает от величия этой сцены: на зрителей «смотрят» из зала безмолвные лица мужчин и женщин, детей

и стариков, смотрят спокойно и ясно. А на самом высоком ярусе балкона высятся портреты Баха, Моцарта, Шуберта, Перголези: композиторы как будто управляют одновременно разноголосым хором живых и неммым хором мертвых.

И хотя жизнь все-таки идет своим чередом, Москва наряжается к фестивалю, молодежь ждет приятных перемен, этот спектакль больше обращен к прошлому, чем к будущему. Особенно отчетливо это понимаешь, когда из зала тихо уносят все портреты, по балконам развешивают флаги советских республик, а хор начинает петь «Stabat mater» Перголези — молитву Деве Марии. Она звучит как призыв к коллективной памяти и к каждому сидящему в зале: ведь даже у самых юных — за плечами непростое советское прошлое страны, отзвук которого слышен будет еще очень долго.

Дарья АНДРЕЕВА
Фото Сергея ПЕТРОВА